

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**УДК [811.161.1+811.163.1]:347.998"14"****Климкович Ольга Александровна**

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
как иностранного
Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова
г. Витебск, Беларусь

Volha Klimkovich

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Russian as a Foreign Language
Vitebsk State University
named after P. M. Masherov
Vitebsk, Belarus
olga-klimkovich@mail.ru

**ДИАЛОГИЧНОСТЬ В СТАРОБЕЛОРУССКИХ И СТАРОРУССКИХ ПРИГОВОРАХ
СУДОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV в.****DIALOGICITY IN THE OLD BELARUSIAN AND OLD RUSSIAN COURT VERDICTS
OF THE SECOND HALF OF THE XV CENTURY**

Статья посвящена исследованию языковых средств, репрезентирующих текстовую категорию диалогичности в старобелорусских и старорусских приговорах судов второй половины XV века. Рассматриваются лексемы, подчеркивающие диалогичный характер отдельных отрезков текста, обращения, вопросно-ответные комплексы, способы передачи чужой речи, ссылки на различные документы. Устанавливается частота употребления обозначенных средств репрезентации категории диалогичности, выявляются их локальные особенности.

Ключевые слова: судебная письменность; приговоры судов; категория диалогичности; средства репрезентации.

The article is devoted to the study of linguistic means representing the textual category of dialogicality in the Old Belarusian and Old Russian sentences of the courts of the second half of the XV century. The lexemes emphasizing the dialogical nature of individual sections of the text, addresses, question-and-answer complexes, ways of transmitting someone else's speech, links to various documents are considered. The frequency of use of the designated means of representation of the dialogic category is established, their local features are revealed.

Key words: judicial writing; court verdicts; the category of dialogicality; means of representation.

Диалогичность в письменной речи – «это выражение в тексте средствами языка взаимодействия общающихся, понимаемого как соотношение смысловых позиций, как учет реакций адресата, а также эксплицирование в тексте признаков собственно диалога» [СЭС, с. 45].

Цель данной работы – сравнить средства репрезентации категории диалогичности в старобелорусских (далее ст.-бел.) и старорусских (далее ст.-рус.) приговорах судов второй половины XV века. Актуальность исследования определяется необходимостью детализации истории развития ст.-бел. и ст.-рус. деловой письменности, выявления путей взаимовлияния двух восточнославянских языков. Материалом для исследования стали 85 ст.-бел. текстов с 1457 по 1499 год и 85 ст.-рус. с 1450 по 1499 год.

В современных исследованиях жанр приговора суда характеризуется как один из основных жанров судебного дискурса и определяется набором идентификационных признаков и классификационных критериев [1, с. 38–41], при этом он относится к монологическим жанрам речи [1, с. 41]. В XV в. тексты судебных приговоров были наполнены разнообразными средствами, репрезентирующими категорию диалогичности, что не позволяет нам говорить о монологичности исследуемого жанра. Одинаковое количество рассмотренных текстов определяет корректность производимых подсчетов.

Исследованные ст.-бел. приговоры были включены в книги записей Литовской метрики. Тексты обозначены в публикациях как *выроки, декреты, sprawy, судовые листы, присуженья*. Вырок – это ‘1) рашэнне, пастанова, указ; 2) прыгавор’ [ГСБМ, вып. 6, с. 80–81], ‘прыгавор суда па крымінальнай ці рашэнне па цывільнай справе ў ВКЛ’ [ВКЛ, I, с. 469]; декрет ‘1) пастанова ўрада або вышэйшай духоўнай улады, якая мае сілу закона, 2) прыгавор боскага суда, прадвызначэнне боскай волі’ [ГСБМ, вып. 8, с. 25]; справа – ‘адміністрацыйны або судовы разбор якога-небудзь здарэння, факта; судовы працэс’ [ГСБМ, вып. 32, с. 215]; судовый лист – ‘дакумент, які змяшчае рашэнне суда, вердыкт’ [ГСБМ, вып. 17, с. 62], присуженье – ‘дзеянне па дзеяслову прысудити’ [ГСБМ, вып. 29, с. 14–15].

Ст.-рус. тексты были обнаружены в монастырских архивах и частных собраниях, назывались *правыми грамотами* или *докладными правыми грамотами, судными списками*. Согласно «Словарю русского языка XI–XVII вв.» правая грамота – это ‘1) документ о правах; 2) приговор суда, вручаемый стороне, выигравшей дело’ [СРЯ, вып. 18, с. 124]; докладная грамота – ‘документ, приобретающий законную силу после утверждения его полномочным представителем власти’ [СРЯ, вып. 4, с. 291], судный список – ‘письменный судебный приговор, выдававшийся после судебного разбирательства’ [СРЯ, вып. 28, с. 268]. А. А. Калашникова подчеркивает, что «существуют два вида судебных документов, подводящих итоги судебной тяжбе: правые и докладные правые грамоты. Судный список отражал лишь промежуточную стадию судебного процесса» [2, с. 30].

Необходимость изучения диалогичности в синхронно-диахроническом аспекте подчеркнута Е. Н. Вотриной [3, с. 3]. Среди *средств репрезентации* категории диалогичности М. Н. Кожиной обозначены различные формы побуждения, конструкции и обороты связи, вставные конструкции, вопросно-ответные комплексы, восклицательные предложения, разные способы выражения предписания, конструкции с пояснительным союзом «то есть», противопоставления с противительными и соединительными союзами, с усилительными частицами, переносные значения слов, обычно употребляемых в кавычках, оценочные интенсивы [4, с. 265–267]. О. А. Прохватилова соотносит средства репрезентации диалогичности с ее типами: для внешней диалогичности это интонация, глагольные и местоименные формы 2-го лица, вопросительные предложения, вопросно-ответные единства, языковые средства, передающие отношения между участниками коммуникации (императивные конструкции); для внутренней диалогичности – отрезки текста, содержащие чужую речь; для глубинной диалогичности – «интонация, высокая степень ритмизации ... фрагментов сакральных текстов» [5, с. 42–44]. Н. А. Красавцевой называются разноуровневые средства выражения диалогичности: «лексические (в меньшей степени), морфологические, синтаксические и текстовые (ссылки, сноски)» [6, с. 8]. С. Ф. Руднева относит к средствам диалогичности конструкции, включающие реминисценции, косвенную речь с использованием сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительными и частицами *де, же* [7, с. 18].

Анализ приговоров судов второй половины XV в. предполагает в данном исследовании отбор наиболее значимых средств выражения диалогичности, среди которых нами обозначены: 1) лексемы, подчеркивающие диалогичный характер отдельных отрезков текста; 2) обращения; 3) вопросно-ответные комплексы; 4) способы передачи чужой речи; 5) ссылки на различные документы.

Т а б л и ц а 1

Количество случаев употребления средств репрезентации категории диалогичности в старобелорусских и старорусских приговорах судов второй половины XV в.

Средства репрезентации категории диалогичности	Старобелорусские приговоры	Старорусские приговоры
1. Лексемы, подчеркивающие диалогичный характер отдельных отрезков текста	624	1550
2. Обращения	17	1882

3. Вопросно-ответные комплексы	21	462
4. Способы передачи чужой речи	356	313
а) <i>прямая речь</i>	90	96
б) <i>косвенная речь</i>	266	217
5. Ссылки на различные документы	332	517
а) <i>упоминание документа</i>	269	438
б) <i>содержание документа</i>	63	16
в) <i>включение части или текста всего документа</i>	0	63
Итого	1350	4724

1. Анализ таблицы показывает, что в количественном отношении средства диалогичности в ст.-рус. текстах распространены гораздо шире, чем в ст.-бел. текстах. Важнейшим средством репрезентации являются лексемы, подчеркивающие диалогичный характер отдельных отрезков текста. К ним относится ряд глаголов и глагольных форм, имеющих значение говорения или письма. Обнаруживаются случаи: а) употребления одинаковых лексем, которые отличаются только некоторыми формами; б) употребления соотносительных по значению лексем, характеризующихся локальной спецификой; в) употребления в ст.-бел. текстах лексем, не имеющих аналогов в ст.-рус. текстах.

К *одинаковым* лексемам относятся лексемы *речи, писати, просити*.

Лексема *речи* и в ст.-бел. (86 случаев), и в ст.-рус. (691 случай) приговорах судов встречается в формах прошедшего времени (*рекь, рекли*) и в форме деепричастий: *Жаловал намъ пана Иванов сын Ходковича пан Алексьандро на дядка своего, ... , **рекъчи** такимъ шбычаем: «Коли брат его а дядко мои ... » ... И кн(А)зь Семень перед нами **рекь**: «Коли брат мои, ... » [КЗ – 6, с. 85]. Особенность ст.-рус. текстов проявляется в использовании таких форм прошедшего времени, как *рекл, ркли*, в многократном повторении глагола в одном тексте (зафиксированы случаи употребления глагола более 30 раз). Кроме того, в ст.-рус. текстах используется однокоренной глагол *речися* (24 случая) в значении 'обещаться, обязаться' [Срезн. III, с. 120] при появлении в тексте информации о необходимости доклада об обстоятельствах дела: *И о сем судьи **реклися** доложити осподаря великого князя, как укажет* [АСЭИ, II, с. 535].*

Лексемы *писати / написати* в ст.-бел. и ст.-рус. текстах встречаются в формах глагола прошедшего времени или страдательного причастия

прошедшего времени при изложении содержания предъявляемого документа: *И в том листѣ написано, где шни имъ грани поклали ...* [КЗ – 6, с. 201]. *И обои исци сказали, что им суд таков был, как в сем списке писано* [АСЭИ, III, с. 292]. В отдельных ст.-бел. текстах употребляются формы глаголов *выписати, записати, пописати*. В ст.-рус. – формы настоящего времени *пишет*. Лексема *просити* отмечена в отдельных ст.-бел. и ст.-рус. текстах.

К соотносительным по значению лексемам относятся лексемы *жаловати* (ст.-бел.) – *жалоба* (ст.-рус.), *казати* (ст.-бел.) – *сказывати / сказати* (ст.-рус.), *пытати / спытати* (ст.-бел.) – *спросити / вспросити* (ст.-рус.), *отказати* (ст.-бел.) – *отвечати* (ст.-рус.).

В ст.-бел. текстах лексема *жаловати* в значении ‘наракаць, скардзіцца, жаліцца; складаць скаргу на каго-небудзь, судзіцца’ [ГСБМ, 9, с. 257] употребляется в начале содержательной части текста и вводит изложение позиции истца: *Жаловал намъ старецъ на имя Пашько от архиманьдрыта Генадѣя, служебника С(ве)того Арханьгела Михаила, на Борыса Семеновича ...* [КЗ–4, с. 115], в единичных случаях лексема может быть повторена в тексте 2–5 раз. В ст.-рус. текстах используется существительное *жалоба*, с которого начинается передача прямой речи истца: *так ркли Аристик да Козлок: жалоба нам, господине, на того Некраса на сотника ...* [АФЗХ, I, с. 234].

Лексема *казати* в ст.-бел. текстах используется для передачи речи лица, осуществляющего судебное разбирательство, и реализует как значение ‘казаць, гаварыць’, так и значение ‘загадваць, распараджацца, паказваць, сведчыць’ [ГСБМ, 14, 223–224]: *И казали есмо имъ тѣю землю держати по тыи граници шт таковымъского граници по Мокрець а по Карского границь* [КЗ – 6, с. 385]. Глаголы *сказать* (108 случаев) и *сказывать* (38 случаев) в ст.-рус. приговорах судов фиксируются как в форме прошедшего времени, так и в форме повелительного наклонения при обращении к участникам судебного процесса с вопросом: *И съди[и] вспросили Михальвых знахъреи Бориска Пръкунина и Кипреганка и Спирака: Скажите, брат(е), как правъ, вам тѣ ведом(о) ли, чиѣ т(ѣ) рѣсчистъ, в кот(о)рой землѣ танет* [АСЭИ, III, с. 302]?

Лексема *пытати* в ст.-бел. текстах используется при репрезентации вопроса к истцам, ответчикам или свидетелям. *И мы порозѣмевши по томѣ списку и пытали есмо Петрашка, приступає[т] ли к томѣ, какъ было еднанье межи них* [КЗ – 6, с. 208]. Отмечены также глаголы *опытывати / опытати, спытати, вспытати, попытати*, которые отличает не только видовое значение, но и оттенки значения лексического. Укажем, что

по частоте использования лексема *опытати* зафиксирована 18 раз, *спытати* – 11, тогда как лексема *пытати* – 8 раз. В ст.-рус. текстах в сходной позиции используются лексемы *спросити* (210 случаев) / *вспросити* (245 случаев). Возможно употребление в одном тексте только одного из указанных глаголов или использование сразу двух лексем. В единичных текстах отмечены глаголы *спрошати, испросити, вопрошити*.

Лексема *отказати* в ст.-бел. текстах зафиксирована 16 раз. Лексема *отвечати* (77 случаев) в ст.-рус. текстах встречается в первом вопросе в форме повелительного наклонения и репрезентирует требование дать пояснения по делу: *И Федоръ Васил(ь)евич(ь) **вспросил** архимандрита Филипа: **Отвѣчай!*** Единичны случаи употребления глагола в форме инфинитива *отвечати*, в форме настоящего времени: *Аз, г(о)с(поди)не, **втвечаю** в-ыгумново мѣсто [Варламово], в тои земли [АСЭИ, III, с. 87].*

Несмотря на то, что в ст.-бел. текстах в количественном отношении лексем, подчеркивающих диалогичный характер отдельных отрезков текста, меньше, их состав гораздо более разнообразен. Выявляются лексемы, не имеющие аналогов в ст.-рус. приговорах судов. Это глаголы *поведити / поведати* (81 случай), *мовити* (39 случаев), *светчити* (26 случаев), *сознати* (6 случаев), *признати, признатися* (6 случаев) и др., которые употребляются в формах прошедшего времени, а по значению соответствуют судебным терминам:

– *поведити / поведати* в значении ‘паведаміць, расказаць, давесці да ведама’ [ГСБМ, 25, с. 20]: *А и подскарбии нашъ Ѳедко Хребѣтович перед нами **поведил**, што ж какъ ещо Любчо держано на насъ, ино деи наместники любецкии по доброй воли даивали дерево к дворѣ его къ Сеньну ...* [КЗ – 6, с. 242–243]. В единичных текстах встречаются лексемы *отповедати, споведати, приповедаться*;

– *мовити* в значениях ‘1) перадаваць факты, думкі; 2) даваць показанні сведак, сведчыць; 3) прымаць удзел у судовым разборы, судзіцца’ [ГСБМ, 18, с. 108 – 109]: *И Родивон **мовил**, што ж «тую землю корол(ь), его м(и)л(о)сть, дал **в**тцѣ моемѣ Трепалу, и **я** тыми часы с тое земли служу вашои м(и)л(о)сти»* [КЗ – 6, с. 217].

– *светчити* ‘паведамляць, пацвярджаць што-небудзь у якасці сведкі або дасведчанай асобы, пацвярджаць што-небудзь, даваць показанні’ [ГСБМ, 31, с. 81–83]: *И што чии светки **светчили**, и **в**ни тое сведецьство их пописали и намъ **в**тказали* [КЗ – 6, с. 216].

– *сознати* ‘признаць, сведчыць’ [ГСБМ, 32, с. 61], *признати, признатися* ‘1) признаць, 2) признацца’ [ГСБМ, 28, с. 276]: *И кн(а)зь Иван к иншимъ речам **са признал**, а к иншомѣ **са** не знал* [КЗ – 6, с. 215].

2. Обращения в ст.-бел. текстах единичны (17 случаев) и представляют собой форму звательного падежа слов *господару, государю* или имени человека: *Жаловал намъ княз(ь) Костянтинъ Крошинский на Бориса: «Зваль ма, г(о)с(по)д(а)рѣ, Борисъ татем». ... «И ты ми деи, **Борисе**, тыми ботары штказал, што с то на мене мовил и далеи хотел еси мовит(и)»* [КЗ-6, с. 96–97].

В ст.-рус. текстах ответы истцов и ответчиков изобилуют формами обращения к лицу, осуществляющему рассмотрение дела, (обнаруживаются от 2 до 120 обращений в одном тексте), употребляется лексема *господине*, которая адресуется как одному человеку, так и группе лиц. При оформлении вопроса от имени лиц, осуществляющих судебное разбирательство, спорадически употребляется обращение *брате*: *И суд(ь)и спросили Юрки да **Свсанника**: Скажитѣ, **братѣ**, как право перед богом: наимовал лы тот Гридка Ѹ Давыдка то селища Лаптево, ... ? – И Юрка да **Свсанник**, став на судѣ, так ркли: Сидим, г(о)с(поди)не, на розметѣ своєю братьєю дватцат(ь) лѣт, а наима, г(о)с(поди)не, нам нашъ староста Ивашко с тог(о) селища Лаптева и тот Давыдко не кладывали* [АСЭИ, I, с. 247].

3. И лексемы, подчеркивающие диалогичный характер отдельных отрезков текста, и обращения включены в состав вопросно-ответных комплексов и конструкций, передающих чужую речь.

Вопросно-ответные комплексы отмечены нами в 6 ст.-бел. текстах из 85, при этом в тексте 1457 г. они повторяются 11 раз, а всего зафиксирован 21 случай употребления вопросно-ответных комплексов, представляющих собой вопрос и ответ в форме прямой речи. Для их оформления в ст.-бел. текстах используются глаголы *речи, мовити, пытати*: *и мы ещо для лепшой справедливости **пытали** того Мытка, а Сенка, а Дешка и ихъ брати, маете-ль вы надѣ то ещо которое доброе свѣдѣцтво, ижъ бы тая земля вамъ была отчина и дѣдина? И они **рекли**: свѣдомо, государю, о томъ бояромъ Молоховскимъ и приказнику Молоховскому ...* [АЛМ, с. 80].

В ст.-рус. текстах вопросно-ответные комплексы встречаются в 82 текстах из 85, количество таких комплексов в пределах одного текста достигает 20 случаев, а в 61 тексте встречается 4 и более вопросно-ответных комплексов. Их вербальное оформление характеризуется однообразием: вопрос организуется с помощью лексем *спросити, вспросити*, ответ – с помощью лексемы *речи*, употребляемой в формах *рек (рекл), рекли*. Употребляются как специальные вопросы, включающие слова *что, где, почему, как* и т. п., так и общие вопросы, в которых используется

вопросительная частица *ли (ль)*: *И судья **вспросил** Оксенка: **Почему** же то лес троицкой монастырской? И Оксенко тако **рек**: Грамота, господине, на Дубровинские земли и на тот лес купчая. А се, господине, грамота перед тобою* [Кашт., с. 355–356]. Вопрос также может содержать и форму повелительного наклонения *сказать*.

Отметим также, что для ст.-бел. текстов характерны случаи 1) передачи вопроса в форме прямой речи, а ответа в форме косвенной речи; 2) передачи и вопроса, и ответа в форме косвенной речи.

4. Способы передачи чужой речи в исследованных текстах представлены в таких модификациях, как полная и усеченная прямая речь, собственно косвенная речь, выраженная придаточной частью сложноподчиненного предложения, и скрытая косвенная речь, которой обозначена только тема речи [3, с. 10]. В ст.-бел. текстах преобладают конструкции собственно косвенной речи, которые оформлены как часть сложноподчиненного предложения с придаточной изъяснительной, присоединяемой, как правило, союзом *штож*: *и тотъ Макарикъ самъ з братьею передъ вами поветъчиль, **штожъ** той земли Тугощицкои, которую они роспахали, извечныи рубеж Мереика речка* [КЗ–3, с. 85]. Отмечены также союзы *што*, *ижъ / иже, ли / ль*: *И мы казали стати перед нами владыце и пытали есмо его **ш** томъ, смотрел **ли** бѣдет того межи ними, и было **л(ь)** то еднанье перед нимъ* [КЗ – 6, с. 208]. Скрытая косвенная речь представлена формами предложного падежа указательного местоимения *тотъ* с помощью которых обозначается тема речи: *То пакъ после того татъ Зѣвата жаловала намъ на того Сен(ь)ка **ш** том же селищи* [КЗ – 6, с. 192] или формами инфинитива при глаголе *казати*. В ст.-рус. текстах собственно косвенная речь употребляется редко: *И обои истци сказали, что им таков суд был, как в сем списку писано* [АСЭИ, II, с. 535].

Конструкции с прямой речью отмечены в ст.-бел. текстах в 90 случаях. Сложными являются случаи оформления чужой речи с помощью частицы *деи* в ст.-бел. текстах, которая употребляется как в предложениях с прямой речью, так и в предложениях с косвенной речью: *И Янова Шеметовича передъ нами мовила: то е **дей** имѣніе свекоръ мой, панъ Шеметь, держаль еще за великого князя Жигимонта, а потомъ панъ мой, а опослѣ пана своего я держу ажъ до тыхъ часовъ* [АЛМ, с. 74]. Особенностью ст.-бел. текстов является также использование лексемы *рекомо*, имеющей значение ‘быццам бы’ [ГСБМ, 30, с. 61]: *и они отбывали его тымъ обычаемъ: **штожъ** тотъ бояринъ его, **рекомо бы**, дворъ свой поставиль на ихъ власной земли* [АЛМ, с. 86].

В ст.-рус. текстах прямая речь, не включенная в состав вопросно-ответных комплексов, отмечена в 82 текстах из 85. Обычно с прямой речи истца начинается изложение претензий, заявленных в суде: *Тако рек Сидоръ: Жалоба, г(о)с(поди)не, сторожевьским старцем Антонью строителю со всею брат(ь)єю на тог(о) поселского на старца Давыда, – штнал, г(о)с(поди)не, шзеро оу нас Полецкое, не велить рыболовом нашим рыбь ловит(ь)* [АСЭИ, III, с. 84].

5. Ссылки на другие документы характерны для 59 ст.-бел. документов из 85 и для 66 ст.-рус. документов из 85. В ст.-бел. текстах возможно упоминание завещаний (тастаментов, духовниц), привилеев, купчих листов и др. и описание содержания документа. Процедура ознакомления с содержанием представленного в качестве доказательства текста описывается с помощью глаголов *положити, выслухати*. Содержание приводимого в качестве доказательства текста вводится либо как часть сложно-подчиненного предложения с придаточной изъяснительной с союзом *штож*, которая относится к глагольным формам главной части *стояти, выписати: а в том листу / в тых листах стоит (так), штож ...; и в листу том выписано, штожь*; либо с помощью предложно-падежных сочетаний: *о купле, о данине* и т.п. : *и тые бояре положили передь нами листы судовыи первых пановъ, воеводъ Троцкихъ, пана Мартиновъ Гастовтовича, а пана Богдановъ Андреевича. И въ тыхъ листехъ ихъ стоитъ такъ, штожь они стояли передь паномъ Мартиномъ ...* [АЛМ, с. 67]. Нам не встретились передача полного текста документа.

В ст.-рус. текстах во второй половине XV в. процедура ознакомления с содержанием других документов репрезентируется с помощью форм глаголов *положити, возрети*. Может быть 1) упоминание о содержании приводимого документа; 2) включение в правую грамоту части документа; 3) использование полного текста того документа, на который ссылаются во время судебного разбирательства: *И грамоту положил перед судьями. И судьи в грамоту возрели, ож в ней писано: Се яз Харя Лагирь дал есмь А на то послуи: Серапион старец да поп Данило никольской. А грамоту писал Григорей Карлов. А подписал Иван Котов* [АФЗХ, I, с. 97].

Анализ рассмотренных средств репрезентации категории диалогичности в старобелорусских и старорусских приговорах судов второй половины XV века позволяет сделать следующие выводы:

1) перечень средств, репрезентирующих категорию диалогичности в ст.-бел. и ст.-рус. приговорах судов второй половины XV в., сходен, однако случаев употребления таких средств в ст.-рус. текстах почти в 3,5 раза больше, чем в ст.-бел. текстах;

2) большое количество употреблений средств репрезентации категории диалогичности в ст.-рус. текстах обусловлено повторением обращения *господине*, лексем *речи*, *спросити / вспросити*, *отвечать*, *сказывать / сказать*, в то время как в ст.-бел. текстах в значительно меньшем количестве случаев употребляется более широкий ряд лексических единиц: *речи*, *опытати*, *спытати*, *пытати*, *попытати*, *отказати*, *мовити*, *светчити*, *поведити*, *сознати*, *признати*, *признатися*, при этом лексемы *мовити*, *светчити*, *поведити*, *сознати*, *признати*, *признатися* имеют значения, характерные для судебной письменности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богинская, О. А. Речевые жанры: идентификационные признаки и классификационные критерии (на примере жанра «приговор») / О. А. Богинская // Теория языка и межкультурная коммуникация. – № 2 (45). – 2022 г. – С. 33–43.
2. Калашникова, А. А. Русские судебные документы XV – первой половины XVI в. как исторический источник : дисс. ... канд. истор. наук 5.6.5 / А. А. Калашникова ; СПбИИ РАН. – Санкт-Петербург, 2021. – 216 с.
3. Вотрина, Е. Н. Функционирование категории диалогичности в научных текстах XX века: автореф. ... дис. канд. фил. наук 10.02.01 – русский язык / Е. Н. Вотрина ; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2012. – 21 с.
4. Кожина, М. Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики : избранные труды / М. Н. Кожина. – М. : Флинта : Наука, 2014. – 624 с.
5. Прохватилова, О. А. Речевая организация звучащей православной проповеди и молитвы: автореф. ... дисс. докт. фил. наук : 10.02.10 / О. А. Прохватилова ; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2000. – 44 с.
6. Красавцева, Н. А. Выражение диалогичности в письменной научной речи: (на материале англ. языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. А. Красавцева ; Одесск. гос. ун-т им. И. И. Мечникова. – Одесса, 1987. – 15 с.
7. Руднева, С. Ф. Репрезентация текстовой категории диалогичности в сибирских отписках конца XVI – второй половины XVIII веков [Электронный ресурс] / С. Ф. Руднева // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2012. – № 3. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-tekstovoy-kategorii-dialogichnosti-v-sibirskih-otpiskah-kontsa-xvi-vtoroy-poloviny-xviii-vekov>. – Дата доступа: 06.01.2024.

Источники примеров и словари

АЛМ – Акты Литовской метрики / собраны заслуженным профессором Императорского Варшавского университета Ф. И. Леонтовичем. – Варшава: издание Императорского Варшавского университета. – 1896–1897. – 176 с.

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–XVI вв. : в 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; редкол. : Б. Д. Греков (отв. ред.) [и др.]. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952–1964. – 3 т.

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков : в 3 ч. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; редкол.: С. В. Бахрушин (отв. ред.) [и др.]. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951–1961. – Ч. 1. – 400 с.

ВКЛ – I – Вялікае княства Літоўскае : Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 1 : Абаленскі – Кадэцыя / Рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – Мн. : БелЭн, 2005 – 688 с.

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы / пад рэд. А. І. Жураўскага. – Мінск : Навука і тэхніка. – 1982–2017. – Вып. 1–37.

Кашт. – Каштанов, С. М. Очерки русской дипломатики / С. М. Каштанов. – М. : Наука, 1970. – 502 с.

КЗ – 3 – Lietuvos metrika. Lietuvos istorijos institutas. Kn. 3 : (1440–1498) : Užrašymų knyga 3 / Vilnius. – 1998. – 161 p.

КЗ – 4 – Lietuvos metrika. Lietuvos istorijos institutas. Kn. 4 : (1479–1491). Užrašymų knyga 4. / Vilnius : Žara. – 2004. – 286 p.

КЗ – 6 – Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1(6). Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика, 1494–1506 гг. Шестая книга записей Литовской метрики / под ред. С. М. Каштанова. – Рос. Акад. наук, Ин-т рос. истории. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2012. – 664 с.

Срезн. – Срезневский, И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб. : Отд-ние рус. яз. и словесности Императ. Акад. наук, 1893–1912. – 3 т.

СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. ; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1975 – : вып. 1–31.

СЭС – Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 696 с.

Поступила в редакцию 20.07.2024